9. *Pfetsch F. R., Rohloff C.* KOSIMO: A Databank on Political Conflict // Journal of Peace Research. 2000. Vol. 37. No. 3. Pp. 379–389.
10. *Tischkov V.* Ethnic Conflict in the Former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36. No. 5. Pp. 571–591.

REFERENCES

1. *Gribanova G. I.* Sotsial'nye nauki i praktika sotsial'nogo upravleniya: problema vzaimodeystviya // Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2009. № 3. S. 23–25.
2. *Ostin A.* Rannee preduprezhdenie i monitoring konfliktov // Etnopoliticheskiy konflikt: puti transformatsii. Nastol'naya kniga Bergkhofskogo tsentra. M.: Nauka, 2007. S. 132–155.
3. *Svetlov V. A., Semenov V. A.* Konfliktologiya: Uchebnoe posobie. SPb.: Piter, 2011. 352 s.
4. *Azar E. E., Lerner S.* The Use of Semantic Dimensions in the Scaling of International Events // International Interactions. Vol. 7. No. 4. Pp. 361–378.
5. *Gurr T. R.* Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilization and Conflict since 1945 // International Political Science Review. 1993. Vol. 14. No. 2. Pp. 161–201.
6. *Harbom L.* (2006) Armed Conflict and Peace Agreements / L. Harbom, S. Högbladh, P. Wallensteen // Journal of Peace Research. Vol. 43. No. 5. Pp. 617–631.
7. *Harbom L.* (2008) Dyadic Dimensions of Armed Conflict, 1946–2007 // L. Harbom, E. Melander, P. Wallensteen / Journal of Peace Research. Vol. 45. Pp. 697–710.
8. *Koopmans R., Statham P.* (1999) Political Claims-Analysis: Integrating Protest Event and Political Discourse Approaches // Mobilization: The International Journal of Research and Theory about Social Movements, Protest and Collective Behavior. Vol. 4. № 2. R. 203–221.
9. *Pfetsch F. R., Rohloff C.* (2000) KOSIMO: A Databank on Political Conflict // Journal of Peace Research. Vol. 37. No. 3. Pp. 379–389.
10. *Tischkov V.* (1999). Ethnic Conflict in the Former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data // Journal of Peace Research. Vol. 36. No. 5. Pp. 571–591.

М. А. Алигаджиева

ЭЛИТОГЕНЕЗ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ДАГЕСТАНА

На основе результатов социологических исследований, проведенных автором, выявлена специфика формирования и деятельности местных этнических элит, достаточно отличающаяся от общероссийской. Элитогенез является главным фактором этнизации власти в Республике Дагестан.

Ключевые слова: элитогенез, национально-политическая элита, этнократия, специфика, этнизация, власть, общество.

M. Aligadjieva

Elite genesis in the political field of Dagestan

Based on the results of sociological research conducted by the author of the article the author analyzes the specifics of the formation and activities of local ethnic elites, quite different from the Russian. Elite genesis is the main factor этнизации authorities in the Republic of Dagestan.

Keywords: elite genesis, the national political elite, ethnocracy, specificity, ethnicization, power, society.

Вследствие того, что российское государство является многонациональным, особое место в элитологии занимают исследования процессов элитогенеза и функционирования элит в полиэтничных республиках, в том числе и в таком проблемном регионе, как Северный Кавказ.

Как отмечают А. В. Понеделков и А. М. Старостин, элитообразование в современном российском обществе еще не закончилось. Что же касается регионального уровня, то здесь можно говорить о существовании разных типов региональных элит — административных элит в русских областях и краях, этнократических элит в национальных республиках, которые имеют как сходства, так и различия в плане тенденций формирования [5, с. 89].

Важнейшей особенностью системы власти в национальных республиках является специфика формирования и деятельности местных этнических элит, отличающаяся от общероссийской. Главным фактором элитогенеза в национальных регионах Российской Федерации в постсоветский исторический период стала этнизация власти, монополизация ее клановыми группами, созданными на этнической и родовой основе. Для определения элит национальных республик многие отечественные политологи используют термин «этнократия».

Этнизации элит способствовала и политика «выделения» советскими руководителями одних этносов и принижения других, начатая еще Сталиным, депортировавшим несколько «идейно невыдержанных» народов Кавказа, к которым, прежде всего, были отнесены народы, имевшие собственную государственность за пределами СССР (турки, греки, немцы), излишне свободолюбивые народы (чеченцы, ингуши) и тюркоязычные народы, считавшиеся проводниками турецкого влияния в регионе (карачаевцы, балкарцы, крымские татары). Если чеченцы и ингуши вскоре получили возможность вернуться на родину, где была восстановлена их государственность, то в отношении тюркоязычных народов Кавказа проводилась политика дискриминации, пережитки которой имеют место и в современной ситуации.

Наблюдавшаяся в послесталинский период «приватизация» отдельными чиновничьими группами целых сфер административно-хозяйственной деятельности, а также возвращение к трайбалистским принципам комплектования руководящих кадров привели, как отмечают исследователи, к формированию региональных этнократических элит [6].

Важную роль в формировании региональных этнократических элит, как отмечает Ж. Т. Тощенко [7, с. 95], сыграли местные корпоративно-олигархические группы, которые рассматривали наличие ведущих позиций во властных структурах в качестве средства быстрого обогащения. Основу местных экономических элит составили, в том числе, и представители развившегося в позднесоветский период теневого бизнеса. В южных районах РСФСР заметную роль в теневой экономике играл оборот сельскохозяйственной продукции.

Введение рыночной экономики способствовало легализации советского теневого бизнеса, значительная часть которого, особенно в национальных республиках, формировалась по этническим и клановым признакам [7, с. 95].

В этой связи следует отметить, что Дагестан вступил в рынок совершенно неподготовленным ни экономически, ни политически, ни идеологически. Становление демократии и рынка породило множество противоречий, ухудшение материального положения, экономические и социальные

недостатки приватизации, падение производства и т. д. Относительными преимуществами на рынке обладают наиболее сплоченные и агрессивные группы. Так и в Республике Дагестан развернулись межклановые конфликты за передел собственности.

Подлинный смысл происходящего состоял, прежде всего, в смене элит общества, в формировании нового правящего класса, владеющего огромной собственностью. Ни интеллигенция, ни квалифицированные рабочие, ни учителя, ни врачи больше не входят даже в так называемый средний класс. Все они «ввалились» в яму бедности. Образование в России — фактор, не увеличивающий шансы на богатство, а снижающий их. Темп социального расслоения необычайно высок, а это масштабное расслоение произошло всего за два-три года и продолжает прогрессировать. За счет обнищания массового среднего класса ускоренно формируется верхушечная элита. И это происходит, как говорится, средь белого дня, к большому сожалению, на основе не роста, а падения производства. Новое расслоение осуществляется за счет глобального перераспределения бывшей общенародной собственности, путем создания теневой экономики. Народ назвал этот метод «прихватизацией».

Приводим один пример из тысячи. В обращении участников собрания Каякентского района к руководству Дагестана написано: «Районная гостиница, стоимость которой нельзя оценить меньше чем 500 млн. рублей, быстро и легко приватизирована частным лицом всего за 5 млн. рублей». И это все на селе! Или же, скажем, кто может в Дагестане заплатить за завод им. Гаджиева или гостиницу «Ленинград»? Много предприятий, особенно торговой, обрабатывающей, пищевой промышленности, транспорта, строительства, почти бесплатно отданы в собственность так называемым акционерным обществам. Суть этого перераспределения — в процессе классообразования [4, с. 31].

Таким образом, формируется новый богатый класс — главным образом, из той части прежней номенклатуры, которая делала свой «бизнес» на взятках, приписках и иных служебных «шалостях», из откровенно криминальных элементов и связанных с ними торгово-распределенческих групп.

Формирование этнократических элит в политике и бизнесе во многих республиках Северного Кавказа характеризуется общим криминальным происхождением.

По мнению ряда авторов, можно говорить о формировании в некоторых республиках Северного Кавказа политико-финансовых кланов [2], организованных исключительно на этнической основе и объединивших в своем составе прежде разрозненные этнократические группы, действовавшие в исполнительной, законодательной и судебной ветвях власти, в экономической сфере, в силовых структурах, в средствах массовой информации, в криминальных сообществах. То есть, произошло формирование классических мафиеобразных структур с национальной спецификой.

«Начавшие свою деятельность в первый, самый ранний период реформ, они приняли активное участие в переделе собственности, влились или активно ныне сотрудничают с финансово-спекулятивными структурами. Местные элиты стремятся использовать и старые, и новые связи, стараясь закрепить свое положение. Понимая свою неустойчивость, зависимость от Центра, которая ограничивает их самостоятельность и компрометирует в глазах местного населения, кланы стремятся это преодолеть. С другой стороны, многие из них опираются на поддержку должностных лиц или групп, которые помогают им лоббировать интересы своих регионов в Центре» [1, с. 62].

На примере Республики Дагестан можно рассмотреть образование политико-финансовых кланов аварской, даргинской, отчасти — кумыкской, лезгинской и лакской этнократических групп. Причем аварский политико-финансовый этнократический клан

сформирован в результате объединения более мелких кланов, организованных по территориальному признаку, — чародинского, буртунайского, согратлинчского, цумадинского и т. д., и в силу своей неоднородности отличается регулярными внутриклановыми конфликтами [1, с. 62].

Раздробленностью аварского политико-финансового клана успешно пользуется даргинская этнократия, обладающая сильными позициями еще со времен советской власти. Существенным минусом аварского политико-финансового клана специалисты называют и серьезное превалирование в нем криминальной составляющей над интеллектуальной, что создает клану и его представителям негативную репутацию как в глазах общественного мнения, так и в органах федеральной власти.

Как отмечают исследователи, в Дагестане 200–250 семей, относящихся к этнократическим кланам, сосредоточили в своих руках практически все материальные ресурсы страны. В результате их деятельности республика, прежде бывшая донором Центра, за прошедшие после крушения советской системы два десятилетия, опустилась среди субъектов федерации на 84-е место по уровню благосостояния населения.

Пожалуй, нигде в России нет столь значительного расхождения в доходах между основной массой населения и узким кругом богатейших фамилий, как в Дагестане. По большинству показателей жизненного уровня Дагестан занимает последние места среди регионов России, причем разница с самыми «богатыми» субъектами федерации составляет восьмикратную величину.

По мнению А. В. Понеделкова и А. М. Старостина, к этнократии относятся родоплеменные (тейповые), или национально-земляческие группы, занявшие место во властных элитах и лоббирующие интересы своего этноса (или его части) в системе властных и экономических отношений. Наибольшие возможности в этом отношении имеет региональная этнократия — правящая верхушка национальных республик, которая, с одной стороны, делает интересы так называемого «титульного (коренного) этноса» приоритетными, а с другой, — используя возможности своего положения, лоббирует интересы республики в высших структурах власти, продвигает в эти структуры своих представителей. Так образуются сильные этнократические группы, имеющие вертикальную структуру по всей территории страны. Пользуясь поддержкой национально-земляческих групп и республиканской этнократии, представители 10–15 небольших этносов продвигаются не только во власть, в бизнес, в силовые структуры собственной республики, но и в федеральные органы Центра, в аналогичные структуры в крупных городах. Тем самым этнократия приобретает существенное влияние и продвигает свои интересы на всех уровнях.

Одной из наиболее негативных тенденций, которая проявляет себя в процессе формирования этнократических элит на постсоветском пространстве, является трайбализм (англ. tribalism, от латинск. tribus-племя).

Для Республики Дагестан присуща трактовка трайбализма как проникновение родоплеменных обществ с целью подчинения политических институтов интересам, в первую очередь, своего племени, рода или клана, что само по себе ставит остальных граждан, к данной родоплеменной общности не относящихся, в неравноправное положение.

С целью выявить специфику Дагестана при рассмотрении проблемы его элит и его конфликтов под углом зрения национального фактора общественной жизни в Республике Дагестан автором были проведены конкретно-социологические исследования 2013 г. «Национально-политическая элита Дагестана».

Общая выборка респондентов исследования, проведенного в 2013 г., составила 550 человек. Выборка охватила разные со-

циальные группы населения — интеллигенцию, политиков, студентов, рабочих и безработных.

На вопрос, как формируется кадровый состав политической элиты при смене президента в Республике Дагестан, были получены следующие ответы: 40% опрошенных ответили, что к власти приходили люди недостойные; 2) 36% считают, что кадровый состав формируется из лично преданных президенту людей; 3) 24% ответили, что кадры отбираются по национальному признаку либо по родственным связям.

Результаты опросов свидетельствуют, что в республике превалируют признаки трайбализма, но, тем не менее, народ верит, что с новым президентом ситуация изменится в лучшую сторону.

Этнократические элиты сформировали модель поведения, которой следуют новые, молодые пополнения правящих слоев, рекрутируемые из тех же влиятельных родов и кланов.

Общественное мнение в национальных регионах Северного Кавказа настроено вполне лояльно к трайбализму. Как отмечают результаты исследований, 46% населения национальных республик крайне чувствительно относятся к продвижению на руководящие посты по родственным и национальным признакам [5, с. 94].

Вследствие относительной малочисленности большинства народностей Дагестана, ключевые позиции в республиканской этнократической элите всегда делили аварский и даргинский кланы, представлявшие интересы соответственно аварцев и даргинцев — самых многочисленных этносов в республике (аварцы по переписи 2002 года составляют 27,5%, а даргинцы — 15,6% населения). Приоритетные позиции во власти аварские и даргинские элиты приобрели еще в советское время, сохраняются они и по сей день. Отношения между аварской и даргинской элитами балансируют на грани конфликта, поскольку между ними существует явное соперничество за ведущие административные посты в республике. Менее влиятельные элиты других народностей Дагестана утверждают, что республика фактически представляет собой аварскую и, в меньшей степени, даргинскую этнократию. На вопрос, есть ли в Дагестане политическая элита, были получены следующие ответы: 1) «да» 87%, 2) 11% «нет», 3) «не знаю» 3%.

Общественное мнение показало, что элиту люди ассоциируют с принадлежностью представителей власти к определенной этнической группе: в Дагестане это — даргинцы, которые находятся в высших структурах власти два десятка лет.

Таким образом, одной из весьма острых и болезненных проблем в Дагестане, связанных с национальным вопросом, является проблема государственной власти. Ни для кого не секрет, что национальная клановость во властных структурах постоянно генерирует межнациональную напряженность в подведомственных и подчиненных им регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Багнычева Н. В.* Логика российской политической элиты: рискогенные аспекты// Общество и право. 2006. № 1 (11). С. 62.
2. *Васильев А., Затрапезный М.* Дагестанцы. Ни войны, ни мира, //http: www.dagestantsi.by.ru.
3. *Дерлугьян Г.* Горские князья, партвыдвиженцы и помидорщики: двести лет социальной эволюции адыгейских элит // http: // sovetikus.narod.ru/Derluguian.html#_ftn1
4. *Магомедов А. А.* Дагестан на пороге XXI века: волны времени и контуры грядущего. Махачкала, 1996.
5. *Понеделков А. В., Старостин А. М.* Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. 2008. № 6. С. 89.

6. *Пляйс Я. А.* Российские политологи о региональных элитах // Региональные элиты в процессе современной российской федерализации. Ростов н/Д; Майкоп, 2001.
7. *Тощенко Ж. Т.* Этнократия: история и современность. М., 2003. С. 95.

REFERENCES

1. *Bagnycheva H. B.* Logika rossijskoj politicheskoj elity: riskogennye aspekty// Obshchestvo i pravo. 2006. № 1 (11). S. 62.
2. *Vasil'ev A., Zatrapeznyj M.* Dagestantsy. Ni vojny, ni mira //http: www. dagestantsi. by. ru.
3. *Derlug'jan G.* Gorskie knjaz'ja, partvydvizhentsy i pomidorshchiki: dvesti let sotsial'noj evoljutsii adygejskih elit // http: sovetikus. narod. ru/Derluguian. html#_ftn1
4. *Magomedov A. A.* Dagestan na poroge XXI veka: volny vremeni i kontury grjadushchego. Mahachkala, 1996.
5. *Ponedelkov A. V., Starostin A. M.* Regional'nye administrativno-politicheskie elity Rossii: proshloe, nastojashchee, budushchee // Polis. 2008. № 6. S. 89.
6. Pljajs Ja. A. Rossijskie politologi o regional'nyh elitah // Regional'nye elity v protsesse sovre¬mennoj rossijskoj federalizacii. Rostov-n/D; Majkop, 2001.
7. Toshchenko Zh. T. Etnokratija: istorija i sovremennost'. M., 2003. S. 95.